

Именем
Российской Федерации

ПОСТАНОВЛЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

по делу о проверке конституционности статьи 48 Кодекса о браке и семье РСФСР в связи с жалобой гражданки М.

город Санкт-Петербург

27 ноября 2024 года

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д.Зорькина, судей А.Ю.Бушева, Л.М.Жарковой, С.М.Казанцева, С.Д.Князева, А.Н.Кокотова, Л.О.Красавчиковой, М.Б.Лобова, С.П.Маврина, Н.В.Мельникова, В.А.Сивицкого,

руководствуясь статьей 125 (пункт «а» части 4) Конституции Российской Федерации, пунктом 3 части первой, частями третьей и четвертой статьи 3, частью первой статьи 21, статьями 36, 47¹, 74, 86, 96, 97 и 99 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»,

рассмотрел в заседании без проведения слушания дело о проверке конституционности статьи 48 Кодекса о браке и семье РСФСР.

Поводом к рассмотрению дела явилась жалоба гражданки М. Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствует ли Конституции Российской Федерации оспариваемое заявительницей законоположение.

Заслушав сообщение судьи-докладчика Л.М.Жарковой, исследовав представленные документы и иные материалы, Конституционный Суд Российской Федерации

у с т а н о в и л :

1. Статья 48 Кодекса о браке и семье РСФСР закрепляла, что в случае рождения ребенка у родителей, не состоящих в браке, при отсутствии совместного заявления родителей отцовство может быть установлено в судебном порядке по заявлению одного из родителей или опекуна (попечителя) ребенка, лица, на иждивении которого находится ребенок, а также самого ребенка по достижении им совершеннолетия (часть первая); при установлении отцовства суд принимает во внимание совместное проживание и ведение общего хозяйства матерью ребенка и ответчиком до рождения ребенка или совместное воспитание либо содержание ими ребенка или доказательства, с достоверностью подтверждающие признание ответчиком отцовства (часть вторая).

1.1. Гражданка М. – заявительница по настоящему делу родилась в 1994 году. Сведения о ее отце были внесены в запись акта о рождении по указанию матери.

Предполагаемый биологический отец заявительницы (гражданин Е.) умер в 2021 году, после чего в пределах установленного законом 6-месячного срока на принятие наследства с соответствующими заявлениями к нотариусу обратились сестра умершего, гражданка П. (как наследник второй очереди), и заявительница (считавшая себя наследником первой очереди). В выдаче свидетельства о праве на наследство М. было отказано в связи с отсутствием в представленных ею документах доказательств родства с наследодателем.

Заявительница обратилась в суд с иском к П. о признании права собственности в порядке наследования по закону и установлении в отношении нее отцовства Е.

Решением районного суда от 4 мая 2022 года исковые требования заявительницы удовлетворены на основании в том числе положений статьи 48

Кодекса о браке и семье РСФСР. При этом суд признал результаты судебной молекулярно-генетической экспертизы – с вероятностью 99,999% свидетельствующие о родстве М. с наследодателем – в качестве доказательства, подтверждающего наряду с иными доказательствами установленные судом факты совместного проживания Е. и гражданки А. (матери заявительницы) и признания им отцовства.

Апелляционным определением судебной коллегии по гражданским делам областного суда от 10 августа 2022 года решение суда первой инстанции отменено, в удовлетворении исковых требований отказано. Суд апелляционной инстанции посчитал не доказанным ни одно из обстоятельств, перечисленных в части второй статьи 48 Кодекса о браке и семье РСФСР, указав, что суд первой инстанции, принимая в качестве допустимого и относимого доказательства заключение молекулярно-генетической экспертизы, ошибочно полагал, что по данному делу принимаются любые доказательства, достоверно подтверждающие происхождение ребенка от конкретного лица; между тем ссылки на кровное родство в данном случае не являются основанием для удовлетворения иска.

В передаче кассационной жалобы на названное апелляционное определение, а также определение судебной коллегии по гражданским делам кассационного суда общей юрисдикции от 11 января 2023 года, которым оно оставлено без изменения, для рассмотрения в судебном заседании Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отказано определением судьи этого суда от 3 мая 2023 года.

По мнению М., статья 48 Кодекса о браке и семье РСФСР противоречит статье 38 (части 1 и 2) Конституции Российской Федерации в той мере, в какой она позволяет судам не учитывать такое бесспорное доказательство биологического родства (отцовства), как заключение молекулярно-генетической экспертизы, связывая установление отцовства лишь с фактами, свидетельствующими о признании лицом своего отцовства, его участии в воспитании ребенка или ведении им общего хозяйства с матерью ребенка. При этом заявительница ссылается в том числе на отдельные положения Декларации прав ребенка (принята Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1959 года) и

Конвенции о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1989 года), полагая, что согласно статье 15 (часть 4) Конституции Российской Федерации они являются частью правовой системы Российской Федерации.

1.2. По смыслу взаимосвязанных статей 3, 36, 74, 96 и 97 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» Конституционный Суд Российской Федерации принимает к рассмотрению жалобу на нарушение конституционных прав и свобод нормативным актом, если придет к выводу, что имеются признаки их нарушения в результате применения оспариваемого акта в конкретном деле с участием гражданина, а также неопределенность в вопросе о том, соответствует ли оспариваемый акт Конституции Российской Федерации. Он принимает постановление только по предмету, указанному в жалобе, и лишь в отношении той части акта, конституционность которой подвергается сомнению, оценивая как буквальный смысл рассматриваемых положений, так и смысл, придаваемый им официальным и иным толкованием, в том числе в решениях по конкретному делу, или сложившейся правоприменительной практикой, исходя из их места в системе правовых норм, не будучи связанным основаниями и доводами, изложенными в жалобе. Конституционный Суд Российской Федерации при осуществлении конституционного судопроизводства решает исключительно вопросы права, воздерживаясь от установления и исследования фактических обстоятельств во всех случаях, когда это входит в компетенцию других судов или иных органов.

Правовое обоснование жалобы со ссылками на нормы международного права в сфере защиты прав ребенка не соотносится с фактическими обстоятельствами дела с участием заявительницы, установленными судами общей юрисдикции. Требование об установлении отцовства было предъявлено совершеннолетней М. в суд после смерти ее предполагаемого отца в 2021 году с целью признания наследственных прав на принадлежавшее ему имущество. При этом с жалобой не представлены документы, которые указывали бы на обращение за судебной защитой прав ребенка до достижения заявительницей совершеннолетия ее матерью как законным представителем.

В то же время оценка судом доказательств, свидетельствующих о происхождении гражданина от конкретного лица, при решении вопроса об установлении отцовства может иметь значение для реализации не только наследственных прав, но и права гражданина знать свое происхождение, права на уважение частной жизни. В этих и подобных им случаях речь идет об условиях реализации одного из аспектов конституционного права на судебную защиту – возможности представлять доказательства, подтверждающие обстоятельства, на которые лицо ссылается в судебном споре.

1.3. По смыслу пункта 4 части первой статьи 43 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» Конституционный Суд Российской Федерации проверяет конституционность действующих нормативных актов и отказывает в принятии жалобы к рассмотрению, если акт, конституционность которого оспаривается, отменен или утратил силу, за исключением случаев, когда он продолжает применяться к правоотношениям, возникшим в период его действия.

Статья 48 Кодекса о браке и семье РСФСР – с учетом правил действия правовых норм во времени – продолжает применяться при рассмотрении судами вопроса об установлении происхождения детей, родившихся в период с 1 октября 1968 года до 1 марта 1996 года (пункт 8 Указа Президиума Верховного Совета РСФСР от 17 октября 1969 года «О порядке введения в действие Кодекса о браке и семье РСФСР»; статья 2 Закона СССР от 27 июня 1968 года № 2834-VII «Об утверждении Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о браке и семье»; пункт 1 статьи 168 и пункт 1 статьи 169 Семейного кодекса Российской Федерации).

Следовательно, с учетом указанных требований Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» статья 48 Кодекса о браке и семье РСФСР является предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу в той мере, в какой на ее основании решается вопрос об установлении в судебном порядке отцовства в отношении граждан, родившихся в период с 1 октября 1968 года до 1 марта 1996 года.

2. Провозглашая человека, его права и свободы высшей ценностью, а признание, соблюдение и защиту прав и свобод человека и гражданина – обязанностью государства, Конституция Российской Федерации устанавливает, что Россия является демократическим правовым социальным государством, в котором права и свободы человека и гражданина определяют смысл, содержание и применение законов и обеспечиваются правосудием и политика которого направлена на создание условий для достойной жизни и свободного развития человека, причем гарантируются защита достоинства граждан и сбалансированность прав и обязанностей (преамбула; статьи 1 и 2; статья 7, часть 1; статьи 17 и 18; статья 75¹). Государство признает и защищает права и свободы – в том числе право каждого на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени, право ребенка на заботу и воспитание – на началах правового равенства, т.е. независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств (статья 19, части 1 и 2; статья 23, часть 1; статья 38, часть 2, Конституции Российской Федерации).

При этом конституционный принцип равенства всех перед законом и судом, гарантируя одинаковые права и обязанности для субъектов, относящихся к одной категории, не исключает различий в их фактическом положении, а также необходимости учета этих различий в законе (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 3 мая 1995 года № 4-П и от 27 апреля 2001 года № 7-П; Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 16 мая 2024 года № 1122-О и др.).

Согласно Конституции Российской Федерации каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом; каждому гарантируется государственная, в том числе судебная, защита его прав и свобод (статья 45; статья 46, часть 1). Раскрывая конституционное содержание права на судебную защиту, которое выступает

гарантией в отношении всех других конституционных прав и свобод, Конституционный Суд Российской Федерации сформулировал следующие правовые позиции общего характера (постановления от 25 июня 2013 года № 14-П, от 27 октября 2015 года № 28-П, от 10 марта 2017 года № 6-П, от 10 марта 2022 года № 10-П и др.):

право на судебную защиту – как по буквальному смыслу статьи 46 Конституции Российской Федерации, так и по ее смыслу во взаимосвязи с другими положениями главы 2 «Права и свободы человека и гражданина» Конституции Российской Федерации, а также с общепризнанными принципами и нормами международного права – является неотчуждаемым правом каждого человека; закрепляющая данное право статья 46 Конституции Российской Федерации находится в неразрывном единстве с ее статьей 21, согласно которой государство обязано охранять достоинство личности во всех сферах, чем утверждается приоритет личности и ее прав (статья 17, часть 2; статья 18 Конституции Российской Федерации);

из статьи 46 Конституции Российской Федерации во взаимосвязи с ее статьями 19 (часть 1) и 123 (часть 3), устанавливающими принцип равенства всех перед законом и судом и принцип осуществления судопроизводства на основе состязательности и равноправия сторон, следует, что конституционное право на судебную защиту – это не только право на обращение в суд, но и возможность получить реальную судебную защиту с восстановлением нарушенных прав и свобод;

наделение суда полномочиями по оценке доказательств вытекает из принципа самостоятельности судебной власти (статья 10 Конституции Российской Федерации) и является одним из проявлений ее независимости, необходимой для справедливого отправления правосудия; судебная оценка доказательств должна осуществляться исходя из конституционного предписания о подчинении судей только Конституции Российской Федерации и федеральному закону; при осуществлении правосудия не допускается использование доказательств, полученных с нарушением

федерального закона (статья 50, часть 2; статья 120, часть 1, Конституции Российской Федерации);

суды при рассмотрении дел обязаны исследовать по существу фактические обстоятельства и не вправе ограничиваться установлением формальных условий применения нормы – иное вело бы к тому, что право на судебную защиту, гарантируемое статьей 46 Конституции Российской Федерации, оказывалось бы существенно ущемленным.

3. Определяя в развитие приведенных конституционных норм понятие и виды доказательств, порядок их представления и судебной оценки в гражданском судопроизводстве, Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации в главе 6 «Доказательства и доказывание» устанавливает, что доказательствами по делу являются полученные в предусмотренном законом порядке сведения о фактах, на основе которых суд устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, обосновывающих требования и возражения сторон, а также иных обстоятельств, имеющих значение для правильного рассмотрения и разрешения дела; эти сведения могут быть получены из объяснений сторон и третьих лиц, показаний свидетелей, письменных и вещественных доказательств, аудио- и видеозаписей, заключений экспертов; доказательства, полученные с нарушением закона, не имеют юридической силы и не могут быть положены в основу решения суда (абзацы первый и второй части первой; часть вторая статьи 55). Каждая сторона должна доказать те обстоятельства, на которые она ссылается как на основания своих требований или возражений, если иное не предусмотрено федеральным законом; суд определяет, какие обстоятельства имеют значение для дела, какой стороне надлежит их доказывать, выносит обстоятельства на обсуждение, даже если стороны на какие-либо из них не ссылались (части первая и вторая статьи 56). Суд принимает только те доказательства, которые имеют значение для рассмотрения и разрешения дела (статья 59).

В силу статьи 67 ГПК Российской Федерации суд оценивает представленные сторонами и другими участвующими в деле лицами

доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на их всестороннем, полном, объективном и непосредственном исследовании; никакие доказательства не имеют для суда заранее установленной силы; суд оценивает относимость, допустимость и достоверность каждого доказательства в отдельности, а также достаточность и взаимную связь доказательств в их совокупности; результаты оценки доказательств суд обязан отразить в решении, в котором приводятся мотивы, по которым одни доказательства приняты в качестве средств обоснования выводов суда, другие доказательства отвергнуты судом, а также основания, по которым одним доказательствам отдано предпочтение перед другими (части первая – четвертая).

Оценка доказательств по делу предполагает недопустимость формального подхода при принятии решения судом общей юрисдикции, который должен учитывать весь комплекс имеющихся доказательств, подтверждающих или, напротив, опровергающих обоснованность заявленных требований. Гарантией же соблюдения судом указанных требований являются установленные процессуальным законодательством процедуры проверки судебных решений судами вышестоящих инстанций и основания для отмены или изменения судебных решений (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 23 сентября 2014 года № 24-П; Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 28 июня 2022 года № 1630-О).

Согласно статье 60 ГПК Российской Федерации обстоятельства дела, которые в соответствии с законом должны быть подтверждены определенными средствами доказывания, не могут подтверждаться никакими другими доказательствами. Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно указывал, что данное законоположение, исключая возможность подтверждения обстоятельств дела какими-либо другими доказательствами в случаях, когда они в соответствии с законом должны быть подтверждены определенными средствами доказывания, само по себе не ограничивает возможности сторон в собирании и представлении

доказательств. Имея бланкетный характер, эта норма применима лишь во взаимосвязи с иными законоположениями, непосредственно закрепляющими правила оценки судом допустимости доказательств в гражданском процессе (определения от 7 декабря 2017 года № 2795-О, от 27 февраля 2018 года № 493-О, от 8 июля 2021 года № 1372-О и др.).

Во всяком случае установление законодателем специальных требований к средствам доказывания не может быть произвольным, т.е. не имеющим разумных оснований в специфике тех общественных (урегулированных нормами материального права) отношений, из которых проистекает спор, приводить к нарушению равенства участников процесса, относящихся к одной категории, вопреки требованиям статьи 19 (часть 2) Конституции Российской Федерации.

4. Право наследования, гарантированное статьей 35 (часть 4) Конституции Российской Федерации, включает в себя право наследодателя распорядиться своим имуществом на случай смерти и право наследников получить такое имущество. В совокупности двух названных правомочий это право вытекает из части 2 той же статьи Конституции Российской Федерации, предусматривающей возможность для собственника распорядиться принадлежащим ему имуществом, что является основой свободы наследования. Вместе с тем, как указывал Конституционный Суд Российской Федерации в ряде постановлений, в частности от 23 декабря 2013 года № 29-П и от 2 марта 2021 года № 4-П, статья 35 (часть 4) Конституции Российской Федерации не провозглашает абсолютной свободы наследования – как и некоторые другие права и свободы, она может быть ограничена федеральным законом, но только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, иных конституционных ценностей, т.е. при условии, что соответствующее ограничение носит обоснованный и соразмерный характер (статья 55, часть 3, Конституции Российской Федерации).

В названных постановлениях Конституционный Суд Российской Федерации – применительно к конституционному пониманию существа и содержания права наследования, а также способов осуществления составляющих его правомочий – указал, что институт наследования призван гарантировать каждому, что приобретенные им при жизни имущество и иные материальные блага (с имеющимися в отношении них обременениями) после его смерти перейдут к его наследникам либо согласно его воле как наследодателя, либо, если он ее не выразит, – согласно воле закона, которая в данном случае презюмируется как соответствующая личной воле наследодателя. Обеспечение реализации воли наследодателя, который определенным образом распорядился своим имуществом при жизни либо положился на законодательную регламентацию права наследования, является одной из важнейших задач правового регулирования наследственных отношений, равно как и – учитывая особую социальную функцию наследственного права, отражающего применительно к различным аспектам семейно-родственных и иных взаимоотношений критерии справедливости, которые сформировались в общественном сознании, – обеспечение права наследников (по завещанию либо по закону) на получение причитающегося им наследства. В частности, в противоречие с критериями справедливости может не вступать и заявление притязаний на наследство со стороны того ставшего совершеннолетним ребенка наследодателя, с которым он при жизни не поддерживал отношения: получение наследства в этом случае может являться своеобразной формой компенсации отсутствия заботы со стороны этого родителя в период детства ребенка.

Механизм реализации наследственных прав, в значительной степени ориентированных на семейно-правовые связи, существующие между участниками наследственных отношений (глава 63 части третьей ГК Российской Федерации), обусловлен правовой природой юридического факта, который связывает наследодателя с наследниками (брак, наличие установленной в предусмотренном законом порядке родственной связи, в том числе между родителями и детьми, и др.) (Постановление Конституционного

Суда Российской Федерации от 2 марта 2021 года № 4-П), вследствие чего нередко при рассмотрении наследственных споров судом подлежит разрешению и вопрос о происхождении гражданина, в частности об установлении отцовства.

5. В соответствии как с действующим, так и ранее действовавшим регулированием права и обязанности родителей и детей основываются на происхождении детей, удостоверенном в установленном законом порядке (статья 47 Семейного кодекса Российской Федерации; часть первая статьи 16 Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о браке и семье, часть первая статьи 47 Кодекса о браке и семье РСФСР). Статья 16 Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о браке и семье, закрепив возможность установления отцовства в судебном порядке в случае рождения ребенка у родителей, не состоящих в браке, при отсутствии совместного заявления родителей в государственные органы записи актов гражданского состояния (часть третья), предусмотрела, что при установлении отцовства суд принимает во внимание совместное проживание и ведение общего хозяйства матерью ребенка и ответчиком до рождения ребенка или совместное воспитание либо содержание ими ребенка или доказательства, с достоверностью подтверждающие признание ответчиком отцовства (часть четвертая). Эти нормы были воспроизведены в статье 48 Кодекса о браке и семье РСФСР.

В Семейном кодексе Российской Федерации федеральный законодатель закрепил, что при установлении происхождения ребенка от конкретного лица (отцовства) в судебном порядке по заявлению одного из родителей, опекуна (попечителя) ребенка или по заявлению лица, на иждивении которого находится ребенок, а также по заявлению самого ребенка по достижении им совершеннолетия суд принимает во внимание любые доказательства, с достоверностью подтверждающие происхождение ребенка от конкретного лица (статья 49). К таким доказательствам относятся любые фактические данные, установленные с использованием средств доказывания, перечисленных в статье 55 ГПК Российской Федерации.

Прежнее правовое регулирование (действовавшее до введения в действие Семейного кодекса Российской Федерации), подлежавшее

применению с учетом разъяснений Пленума Верховного Суда СССР, допускало назначение судебно-медицинской экспертизы для выяснения вопросов, связанных с происхождением ребенка (пункт 4 постановления от 4 декабря 1969 года № 10 «О практике применения судами Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о браке и семье», пункт 6 постановления от 25 марта 1982 года № 2 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел об установлении отцовства и о взыскании алиментов на детей и других членов семьи»).

Следовательно, статья 48 Кодекса о браке и семье РСФСР также не предполагала отказа суда от исследования доказательств, касающихся кровного родства между ребенком и предполагаемым родителем, включая и заключение судебно-медицинской экспертизы, несмотря на то что в названной норме оно упомянуто не было. Соответственно, даже при установлении судом фактов совместного проживания и ведения общего хозяйства матерью ребенка и ответчиком до рождения ребенка или совместного воспитания либо содержания ими ребенка в удовлетворении требования об установлении отцовства в судебном порядке могло быть отказано, если отцовство ответчика с учетом иных доказательств исключалось. Такой подход согласовывался с тем, что именно происхождение детей, удостоверенное в установленном законом порядке, выступало ранее и выступает в соответствии с действующим регулированием основанием возникновения прав и обязанностей, в том числе имущественного характера, родителей и детей.

Конституционный Суд Российской Федерации, указывая, что статья 48 Кодекса о браке и семье РСФСР не исключала возможности назначения судом молекулярно-генетической экспертизы, подчеркивал, что заключение экспертизы по вопросу происхождения ребенка являлось и является лишь одним из доказательств, которое суд оценивает в совокупности с другими имеющимися в деле доказательствами (такими как показания свидетелей, письменные и вещественные доказательства и т.д.), и что согласно статьям 67 и 86 ГПК Российской Федерации никакие доказательства не имеют для

суда заранее установленной силы (определения от 20 июня 2006 года № 226-О, от 23 июня 2016 года № 1303-О, от 31 мая 2022 года № 1315-О и др.).

Таким образом, часть вторую статьи 48 Кодекса о браке и семье РСФСР, подлежащую толкованию и применению в системе действующего правового регулирования, следует понимать как закрепляющую правило, касающееся оценки судом доказательств в делах, в которых возникает вопрос об установлении отцовства.

Вместе с тем согласно разъяснениям Пленума Верховного Суда Российской Федерации суд вправе в порядке особого производства установить факт отцовства лица, не состоящего в браке с матерью ребенка, в случае смерти этого лица; такой факт может быть установлен судом в отношении детей, родившихся 1 марта 1996 года и позднее, при наличии доказательств, с достоверностью подтверждающих происхождение ребенка от данного лица (статья 49 Семейного кодекса Российской Федерации), а в отношении детей, родившихся в период с 1 октября 1968 года до 1 марта 1996 года, – при наличии доказательств, подтверждающих хотя бы одно из обстоятельств, перечисленных в статье 48 Кодекса о браке и семье РСФСР; при установлении судом наличия спора о праве соответствующий вопрос может быть разрешен в порядке искового производства; заключение эксперта (экспертов) по вопросу о происхождении ребенка является одним из доказательств, оно не имеет для суда заранее установленной силы и подлежит оценке в совокупности с другими имеющимися в деле доказательствами (часть вторая статьи 67, часть третья статьи 86 ГПК Российской Федерации) (пункты 20, 23 и 24 постановления от 16 мая 2017 года № 16 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей»).

С учетом указанных разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации в судебной практике получило распространение такое толкование статьи 48 Кодекса о браке и семье РСФСР, в соответствии с которым суды не признают экспертное заключение о наличии биологического родства относимым доказательством по делу,

поскольку для установления отцовства лица в отношении гражданина, родившегося до 1 марта 1996 года, правовое значение имеют лишь обстоятельства, перечисленные в названной статье (о чем свидетельствует и дело с участием заявительницы).

Между тем, поскольку экспертизы, в частности молекулярно-генетические, появившиеся с развитием новых технологий, отличаются высоким уровнем надежности результатов, свидетельствующих о происхождении ребенка от конкретного лица (биологическом родстве), заключение такой экспертизы во всяком случае не может оставаться без надлежащей оценки – наряду с иными имеющимися в деле доказательствами – при вынесении судом решения. При этом заключение эксперта оценивается судом по правилам, установленным статьей 67 ГПК Российской Федерации, а несогласие суда с заключением должно быть мотивировано в решении или определении суда (часть третья статьи 86 данного Кодекса). Иной подход в системе правового регулирования в ее динамике противоречил бы конституционно-правовому смыслу статьи 48 Кодекса о браке и семье РСФСР, подлежащему выявлению с учетом изменившихся конкретно-исторических условий ее применения.

Следовательно, придание статье 48 Кодекса о браке и семье РСФСР, как это имело место в деле с участием заявительницы, смысла, ограничивающего пределы доказывания по делам об установлении отцовства обстоятельствами, перечисленными в части второй данной статьи, и дифференцирующего состав оцениваемых судом доказательств в зависимости лишь от даты рождения гражданина, противоречит ее конституционно-правовому смыслу, выявленному Конституционным Судом Российской Федерации, и не согласуется с гарантиями судебной защиты, в том числе равенства всех перед судом, вытекающими из статей 18, 19 (части 1 и 2), 45, 46, 75¹ и 123 (часть 3) Конституции Российской Федерации.

Исходя из изложенного и руководствуясь статьями 6, 47¹, 71, 72, 74, 75, 78, 79 и 100 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

п о с т а н о в и л :

1. Признать статью 48 Кодекса о браке и семье РСФСР не противоречащей Конституции Российской Федерации, поскольку по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования она не может рассматриваться в качестве исключаяющей установление судом отцовства лица в отношении гражданина, родившегося в период с 1 октября 1968 года до 1 марта 1996 года, на основании иных, кроме подтверждающих указанные в ней обстоятельства, доказательств (в частности, заключения молекулярно-генетической экспертизы).

2. Выявленный в настоящем Постановлении конституционно-правовой смысл статьи 48 Кодекса о браке и семье РСФСР является общеобязательным, что исключает любое иное ее истолкование в правоприменительной практике.

3. Судебные постановления, вынесенные по делу с участием гражданки М. на основании статьи 48 Кодекса о браке и семье РСФСР в истолковании, расходящемся с ее конституционно-правовым смыслом, выявленным в настоящем Постановлении, подлежат пересмотру в установленном порядке.

4. Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу со дня официального опубликования, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

5. Настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в «Российской газете», «Собрании законодательства

Российской Федерации» и на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru).

Конституционный Суд
Российской Федерации

№ 55-П